

Колесова Н.

Возвращение

- Кто там? – спросили за дверью.

- Шанур.

- Кто? – переспросили после долгой паузы.

- Шанур, - повторил он. Он устал и промок под осенним дождем, но терпеливо ждал, пока за дверью перестанут совещаться и впустят его. Наконец дверь открылась – ровно настолько, чтобы можно было увидеть его лицо. Шанур улыбнулся. Думал, что улыбнулся.

- О, Господи! – придушенно выдохнул женский голос.

Цепочка соскользнула и стукнула несколько раз о косяк. Шанур подождал, пока она замрет, и легонько толкнул дверь. Женщина стояла, бессильно привалившись к стене, ее белое тело светилось сквозь тонкую ткань сорочки. Продолжая улыбаться, Шанур шагнул мимо нее (этот шаг часто снился ему: влево уплывает косяк и открывается эта до пылинки знакомая комната). Шанур, осматриваясь, рассеянно кивнул полуодетому мужчине с бледным застывшим лицом.

- Ша-нур... - произнес мужчина.

- Да, - сказал он, осторожно опускаясь на стул – ему все время казалось, что он тяжел, как чугунный слиток, но стул даже не скрипнул.

Женщина пришла из прихожей, обошла его стороной и села на кровать. Он посмотрел на нее и увидел, какие у них одинаковые с мужчиной лица. Бледные, с темными провалами широких глаз.

- Мы думали, ты умер, - сказала она хрипло. – Да, умер.

- Нет, - он помотал головой и широко улыбнулся. – Я живой.

Они, оцепенев, смотрели на его улыбку, но он не мог убрать ее с лица – уж очень крепко она растянула губы. Мокрая одежда липла к телу, Шанур хотел чаю и спать.

- Я хочу чаю и спать, - сказал Шанур.

- Чаю, - просительно повторил мужчина. Но женщина взвилась с кровати, закричала так пронзительно, что оба вздрогнули.

- Ча-а-ю? Спа-ать? А вот, вот это ты видел? В моем доме ты ничего не получишь! Я не распиваю чаи с убийцами! И еще – ты видишь? – у меня другая жизнь! Ты что, не понимаешь, ты здесь никому не нужен? Ни-ко-му!

- Эй, - сказал он миролюбиво. Он опять забыл, как ее зовут. – Я хочу чаю. Просто чаю. Я устал. Промок. Замерз.

И повернулся к мужчине.

- Зачем она кричит? Пусть перестанет. У меня голова болит.

Тот беспомощно поднял плечи. Женщина продолжала визжать:

- Убирайся! Я тебе говорю – убирайся! Проваливай! Выкини его вон!

Прижав к ушам кулаки, Шанур поднялся и увидел, как захлебнувшись криком, женщина шарахнулась, ударившись плечом о стену; как, медленно махая на него рукой, пятится мужчина. Шанур наклонился и поднял с пола свой мешок. Последний раз обвел глазами комнату. Она его обманула.

Подвела.

Он тяжело повернулся к двери.

- Шанур...

Мужчина нерешительно протягивал на ладони разноцветные бумажки. Деньги, вспомнил Шанур.

- Тебе, наверное, на первое время нужно... Ты не думай! – заторопился он вдруг. – Я не откупаюсь, я как другу...

Шанур пару раз крепко зажмурился. Еще раз внимательно осмотрел протянутую руку. Она дрожала. Ощупью нашел знакомый замок и вышел под дождь.

Мешок стал тяжелее. Одежда промокла насквозь. Ну правильно – из натуральной ткани. Он так соскучился по всему... настоящему.

Шанур стоял под дождем. Оглядывался. Гостиница, вспомнил он, наконец. Теперь мне нужна гостиница. Поколебавшись, неуверенно повернулся. Кажется, там...

Яркие стекла кафе притягивали его, как ребенка – цветастая игрушка. Шанур помедлил у дверей. Он никак не мог избавиться от привычки врываться в дверь одним прыжком. Испугаешь еще...

Двери раздвинулись и Шанур вошел. Справа играла музыка и качались лениво пары. Слева гремел телевизор.

Его заметили, когда он пошел к стойке. Немного странную походку. Мешок за плечом. Странный загар – от нездешнего, жаркого солнца. Орден первой степени над левым карманом штатской одежды – Шанур еще не научился стыдиться награды.

Шанур облокотился о стойку, кивнул бармену.

- Чай. И два "Сияния".

- Таких коктейлей мы давно не делаем. Но для вас...

Шанур, чувствуя на своей спине прицел взглядов, грел руки о кружку с горячим чаем и смотрел, как бармен делает коктейль. За бокалом он потянулся правой рукой – она еще плохо его слушалась, но он все время забывал об этом, и потому едва не разлил коктейль. Шанур улыбнулся, извиняясь. Бармен опустил глаза и принялся за приготовление второго.

Шанур пил и слушал, как копится за спиной тишина. Только телевизор продолжал орать что-то безумно смешное.

- Надолго к нам? – безразлично спросил бармен.

- Навсегда, - сказал Шанур. – Я вернулся.

Бармен катнул к нему стакан, полный белоснежной пены, из-под которой сиял янтарный напиток, наклонился протереть стойку. Сказал – быстро:

- Уходи. Уезжай. Сейчас. Скорее.

Шанур посмотрел ему в глаза и качнул головой.

- Нет.

И бармен, сразу потеряв к нему интерес, вернулся к своим бутылкам. Шанур мельком оглянулся. С разных сторон медленно, словно нехотя, поджидая друг друга, подходили люди. Останавливались поодаль, поглядывая то на него, то на бутылки, то на телевизор. Большинство из них было ему незнакомо: подросток молодняк. Хороший молодняк. Здоровый. Готовый для новой мясорубки.

Шанур узнал человека, хлопнувшего его по плечу. Но имя... почему-то он никак не мог вспомнить их имена.

- Э... - сказал человек. – Шанур?

- Да, - признался Шанур.

Женщина, вынырнувшая из-за плеча человека, уже основательно набралась, потому что бросилась на Шанура и намочила его лицо слезами и поцелуями.

- Шанурчик! А почему тебя не убили?

Тот осторожно похлопал ее по спине. Одноклассница... кажется.

- Не знаю, - сказал он.

- Шанурчик... а Масенька убитый, и Серж убитый, а Ник в психушке. Один Фил здесь, но он пьет. Так пьет, что я ему уже не нужна!

- Слышь, отстань от него!

- Погоди-ка! – продолжая обнимать его за шею, женщина нащупала воображаемый микрофон. – Как вы нашли наш город после возвращения, Шанур? Не правда ли, он вырос и похорошел? Завтра на развороте городской газеты будет твоя фотография и интервью. Фотограф! Где фотограф? А, потом... Ты хорошо воевал, малыш? Много ты их убил? А их женщин ты насиловал? Они отличаются от нас? А детей? А теперь тебе все еще хочется убивать?

- Да отцепись ты! – кто-то оторвал женщину от Шанура, ее длинные ногти оцарапали ему шею. Люди сомкнулись вокруг плотным кольцом. Шанур сидел, свесив между колен руки. Чай, думал он. Сухая постель. Горячая вода. И чтобы ни одного человека. Или хотя бы один, но который бы смотрел в окно, а не на меня.

- Убирайся отсюда, - сказали ему.

А еще, думал Шанур, люди умеют между собой говорить. Разговаривать. Просто так. Ни о чем. О том, что дома тепло, что на улице дождь, что болят старые раны...

- Идешь на вокзал, - сказали ему, - покупаешь билет и сваливаешь отсюда. Чтобы даже вони здесь твоей не осталось. Никто тебе здесь жить не даст.

- Почему? – спросил Шанур, разглядывая пол. Грязный...

- И он еще спрашивает!

- Таких в зверинце держать надо!

- Давить ублютков!

Шанур поднял глаза, с недоумением осмотрелся. Когда он встал, примолкшие люди попятись, не замечая, что он ниже многих из них ростом, и что правая рука его плохо слушается, и что при нем нет никакого оружия. Шанур перекинул мешок через плечо, глядя перед собой, пошел к дверям. Вслед ему летели свист и улюлюканья, и шутки, за которые бьют. Здорово бьют.

Дверь закрылась, отрезая звуки.

Дождь никак не желал заканчиваться. Шанур, правда, теперь полюбил дождь, потому что ТАМ всегда стояла хорошая погода. Всегда солнце.

Может, правда, пересидеть на вокзале? Но Шанур представил лавки, бесконечный говор, людей, текущих мимо, взгляды, отскакивающие от его лица, как от стены - мячики...

Шанур шел и шел, глядя себе под ноги, где бесконечно струилась вода. И вдруг остановился. Он еще не узнал этот дом. Но он пришел к нему.

Открывшая ему старая женщина взглянула устало, и не сказав ни слова, ушла. Она знала его с детства.

Она его не узнала.

Шанур открыл дверь в комнату резко, не сдерживая себя, но Фил даже не встрепенулся. Он валялся в кресле, как выжатая половая тряпка, но взгляд его тусклых глаз был еще вполне осмыслен.

- А, - сказал он, ничуть не удивившись. – Шанур.

Шанур сел. Уставился на Филиппа. С Филиппом все было кончено.

- А-а-а, - сказал Фил, поняв его. – Ты ведь и сам там... перед боем.

- Бой закончился, - тихо сказал Шанур.

- Закончился? – Фил засмеялся. – Кончился? Ты думаешь? Кончился! Это у меня... все закончилось. А у тебя... хочешь выпить, Шанур?

Шанур выпил, не сводя глаз с друга.

- Что? – смеялся тот. – Что? Встретили тебя? Уже встретили? Женщина твоя любимая? Друзья? Город родной? Эй, Шанур, - совет! Уезжай в тайгу! В джунгли. В пустыню. Или выжги себе лицо. Сделай что-нибудь с лицом, Шанур. А то тебя узнают! Меченые мы, меченые!

- Ну и что?

- А ты не понял? Все еще не понял? Это мы... я... знаю – кто ты и как воевал. А они не знают. Ты воевал – и точка! А они же теперь... миротворцы. Сначала и я не понял. Говорю: вы ведь сами восхищались, гордились нами... напутствовали, помнишь, Шанур? Как они нас провожали! Всем городом... А сейчас мать ко мне приходит: сынок, они говорят, ты убийца. Что, что я ей скажу? Нет, мама, мы не убийцы. Мы просто честно воевали. Как нас учили. За Родину. А еще мы хотели остаться в живых и не посылали своих людей на смерть за ордена и звания, как тот капитан... Кстати, Шанур, - это ты его убил?

Шанур молчал. Фил подмигнул, погрозил ему пальцем.

- Ты, я знаю! И все знали. Но никто. Никто не вякнул! Правильно, Шанур. Это ты правильно. Давно надо было. Мы все боялись... а сколько он ребят... ради своих погон...

Шанур молчал.

- Ты знаешь, - доверительно сказал Фил. – А я пью. И колюсь. Хорошо – не отвечаешь на такие вот вопросы. Мой тебе совет – смени ты лицо, Шанур. Или сразу садись на иглу. А помнишь Дадат, Шанур?

И Фил заплакал.

Вошла старуха и сказала гневным дрожащим голосом:

- Уходите! Оставьте в покое моего мальчика! Что вам всем от него надо? Уходите!

- Хорошо, тетя Мария, - послушно сказал Шанур, поднимаясь. Оглянулся на пороге – Фил уже спал, улыбаясь. Великая вещь – наркотики. Жаль, быстро от них умирают.

Он вынес Филиппа из того боя. А здесь...

...Шанур успел отшатнуться, но лом все равно задел его по голове. Оглушенный, он упал на колени. Накинулись все, скопом – молча, с хаканьем... Слишком ошеломленный, чтобы сопротивляться, он скорчился в луже, закрывая голову. Пока кто-то не угодил ему по больной руке. Что-то вспыхнуло перед глазами и он перестал чувствовать удары – проснулся тот, давно и крепко спавший – и с воплем поднялся на пружинистые ноги...

Шанур стоял на коленях, прислонившись лбом к прохладной стене. Внезапно та подалась под его рукой – дверь? Шанур поднимался медленно, очень долго, но женщина по другую сторону порога стояла неподвижно, глядела на него, точно зачарованная. Только когда он выпрямился, очнулась, попыталась захлопнуть дверь. Шанур машинально придержал рукой. Женщина сделала назад несколько длинных осторожных шагов. И он, пошатываясь, двинулся следом.

Натолкнувшись спиной на стол, хозяйка остановилась. На ней был плащ – собиралась выйти на улицу. И наткнулась на него.

Шанур проследил за ее взглядом и только сейчас увидел в своей руке пистолет. Старой модели – еще, наверно, довоенный. Он попытался вспомнить, как пистолет попал к нему. Не вспомнил. Шанур вяло втолкнул его в карман грязной куртки.

- Что вам нужно? – звенящим голосом спросила женщина. Шанур пожал плечами.

- Ничего.

С его ботинок и брюк на пол натекла жидкая грязь.

- Лицо... - неожиданно сказала женщина. И, словно он был глухой, быстрым взмахом руки обвела свое лицо. – Что у вас с лицом?

Шанур провел рукой по лицу и с удивлением посмотрел на красную ладонь.

- Вы поранились? – продолжала она, пытаясь вопросами преодолеть свой страх и его непонятное молчание. – Вам нужна помощь? Если хотите, я обработаю... я умею. Сядьте-ка... - она быстро оглянулась, - вот сюда.

Шанур послушно дотащился до кресла. Тяжело сел. В голове звенело. Потом он пошел к кафе... и, может, все-таки добрался до него... до них.

Шанур стиснул подлокотники кресла и прикрыл глаза. Сначала было тихо - женщина смотрела на него. Потом медленно, осторожно прошла мимо. Стукнула какой-то дверцей. Позвонив чем-то, подошла к нему.

- Будет немного больно, - сказала напряженно. Он едва не улыбнулся. Открыл глаза. Женщина, сжав в руках какие-то пузырьки, наклонилась к нему, светлые волосы упали по обе стороны лица. Шанур поднял тяжелую руку, легонько толкнул ее назад.

- Нет.

Она отступила, наткнувшись за второе кресло, с размаху села в него.

- Но тогда что... чего же вы хотите? – спросила с безнадежным отчаянием.

Чаю, вспомнил Шанур. Я хотел чаю. В кафе не успел...

- Чаю, - послушно шепнули разбитые губы, но женщина услышала, потому что неотрывно следила за его лицом. С мгновение она не верила. Потом поднялась.

- Чаю, - повторила покорно.

Телефон зазвонил, когда она поставила перед Шануром кружку, полную чая, и маленькую сахарницу. Вздрогнув, женщина глядела то на телефон, то на Шанура.

- Могу я... подойти?

- Можешь, - сказал он, уставившись на хрупкую посудину.

Она подняла трубку.

- Алло?

Шанур снова потянулся за кружкой правой рукой и чуть снова не уронил.

- Да, я слушаю?

Перехватив тонкую ручку левой, понес к распухшим губам.

- Да?

Глотнул, чувствуя лишь вкус крови.

- Вот как? Нет. Нет.

Чай. Смешно. Наконец-то. Рука тряслась и чай плеснул на колено, Шанур торопливо поставил кружку на столик и хлопнул ладонью по ошпаренной ноге. Очень горячий.

- Спасибо, я вам очень благодарна, - говорила хозяйка, не спуская с него глаз. Шанур опять принялся за чай. Женщина отключила телефон и опустилась в кресло напротив. Сцепила руки на коленях. Сказала перехваченным голосом:

- Предупредили, что в городе объявился особо опасный преступник. Демобилизованный.

Пауза. Шанур сделал глоток.

- Я сказала, - женщина вздохнула, - что... что никого не видела.

Шанур поднял тяжелые веки. Спросил с недоумением:

- Зачем? Пусть.

Женщина схватила пачку сигарет, нервно вытащила одну.

- Хотите? Нет? Я закурю?

Изо рта у нее шел белый дымок, от сигареты – синеватый.

- Зачем вы их... - женщина закашлялась. – Я имею в виду – зачем вы дрались с ними?

- Почему они били? – спросил он самого себя. – Я их не трогал. А потом... после плена я не могу... когда больно. Когда сильно больно. Я что, кого-то убил?

- А вы сами не знаете? – спросила женщина с ужасом.

Шанур повел плечом. Сказал, словно извиняясь:

- Не помню...

- Вас ищут, - через паузу повторила женщина. Сигарета дотлевала в ее руке. – Вам надо уходить.

Весь вечер его прогоняют... Опять идти. Куда?

- Иди, - сказал он, закрывая глаза. – Я хочу спать. Я посплю здесь.

Темный полет длился вечность и одно мгновение. Оборвался, когда Шанур открыл глаза. Женщина, неподвижно сидевшая в кресле, вытянула шею, пытаясь увидеть что-то в окне между занавесок. Шанур просто посмотрел на нее, но она испугалась:

- Я не вызывала их, честное слово! Поверьте, я...

Шанур тяжело поднялся. Фары и мигалки машин, множество быстро перемещающихся людей...

- Шанур! – сказал громкоговоритель. – Шанур! Мы знаем, что вы здесь! Просим сохранять спокойствие. Отпустите женщину. Потом поднимите руки и медленно выходите. Мы хотим избежать кровопролития. Военный юрист будет здесь с минуту на минуту, вам гарантируется безопасность и...

- Оружие в доме есть? – рассеянно спросил Шанур.

- Нет.

Но глаза ее метнулись. Шанур крепко взял женщину за локоть и она показала ему, где сейф и патроны. Странно, она могла пристрелить его пару десятков раз. Непривычная... Он деловито проверял винтовку, когда белые пальцы легли на его руку. Шанур с недоумением вскинул глаза.

- Не надо! - умоляюще сказала женщина. – Я скажу им, что вы ничего мне не сделали. Если на вас напали первыми...

- Иди давай, - сказал Шанур, не слушая. Потаскил женщину к дверям – она упиралась, цеплялась за все по пути. Она думала, он будет прикрываться ею.

- Иди, - повторил он. – Выходи медленно и сразу подай голос, а то они с перепугу еще в тебя пальнут.

Он вытолкнул ее за дверь – высокий женский голос, невнятные возгласы, топот...

Дождь усилился.

Он выключил свет и встал у окна, не зрением, но привычным чутьем угадывая движение за стеной дождя. Сегодня умрут многие. Здесь у них нет специалистов – тех, кто воевал с ним бок о бок.

Он ни испытывал ни гнева, ни горечи. Он был один, а их – много. Целый город. Целая страна. Кому было не стыдно. Не больно. Кому даже не было страшно.

...Он привычно целился. Привычно нажимал курок. И говорил себе слова, которые так никто и не сказал ему за этот бесконечный дождливый вечер: "С возвращением тебя, Шанур. С возвращением".